

В зрительном зале раздалась торжественные звуки фанфар. Послышались аплодисменты. В такт им забилося моё встревоженное сердце. Всего пару дней назад я вошла в двери этого Дома культуры, а сегодня стою за его кулисами. Всё, что происходит сейчас, я представляла себе по-другому.

Летом я с отличием окончила институт. Экзаменационная комиссия пророчила мне блестящее будущее. Поэтому я, как только пришла в себя после головокружительного выпускного бала, отправилась в департамент культуры. Статный усатый мужчина широко мне улыбнулся и пообещал лучшее место.

– В Доме культуры в соседнем городе есть должность режиссёра. Ты девочка способная, думаю, справишься, – сказал он добродушно.

– В соседнем городе? – неуверенно переспросила я.

– Точнее сказать, моногороде, – немного конфузясь, пояснил он и тут же торопливо добавил:

– Конечно, если не понравится, мы постараемся найти что-нибудь ещё.

Я никогда не слышала раньше слово «моногород» и решила, что это что-то вроде «мегаполиса», поэтому охотно согласилась. Тем более, я и мечтать не могла о должности режиссёра, надеясь на более скромную работу руководителя кружка.

Неделю я витала в сказочных мечтаниях, готовила необходимые документы и вот, наконец, оказалась в моногороде. Не знаю, кто наградил его этим статусом, но у этого человека отличное чувство юмора, потому что на деле моногород оказался обычным посёлком городского типа. Это один из тех безликих посёлков, в котором глазу зацепиться не за что. Разве что за болото в самом его центре, которое местные жители гордо именуют прудом.

Около этого пруда меня и встретила директор Дома культуры – высокая ухоженная жен-

щина, которая мне очень понравилась. Меня до сих пор не покидает ощущение, что я знаю её всю жизнь. Похоже, у неё тоже было такое чувство, потому что она, не спросив обо мне, сразу начала рассказывать о Доме культуры. Говорила она так живо и уверенно, как будто мы находимся прямо в нём или хотя бы рядом. Я невольно начала искать глазами предмет её восхищения, но поблизости не было ничего даже близко похожего на учреждение культуры. Слева от меня был супермаркет, справа жилой дом, а за спиной моей собеседницы – заброшенное здание непонятного назначения.

Мы простояли так минут пять, пока к нам не подъехала женщина на велосипеде. Её образ напомнил мне почтальоншу, которую я встречала в детстве в деревне у бабушки. Она радушно меня поприветствовала и, указывая жестом на заброшенное здание, сказала:

– Добро пожаловать, госпожа режиссёр, – и тут же залилась заразительным смехом.

Женщина оказалась уборщицей, гардеробщицей, сторожем и билетёром в одном лице. А на сегодняшний день она была назначена моим гидом. «Вот тебе и отличное место работы, госпожа режиссёр», – с ужасом подумала я про себя.

Внутри Дома культуры было не всё так плохо. Женщина, приехавшая на велосипеде, гордо продемонстрировала мне холл. Тут недавно был сделан ремонт. Косметический, конечно. Стены выкрашены в розово-лиловый, под потолком любовно развешены гирлянды. Кажется, ремонт – тоже её рук дело.

Настало время знакомства с коллективом. Я представляла, как войду в большой зал и буду представлена коллегам под аплодисменты. Но, оглянувшись, поняла, что директора уже нет рядом, женщина-гид принялась мыть пол, а я предостав-

Я сама себе. Я неуверенно пошла по коридорам здания, сама не зная, чего ищю.

Первыми, кого я увидела, были две женщины, появившиеся из маленького кабинета с табличкой «Методист». Я с удивлением отметила, что они разного возраста, но абсолютно одинаковые: высокого роста, крепкого телосложения. И у одной, и у второй был резкий, почти командный голос, а на ногах – резиновые пляжные шлёпки с яркими жёлтыми ромашками, которые мгновенно приковали взгляд к себе. Женщины хором поздоровались.

– Чувствуй себя, как дома, – пожелала старшая.

Я улыбнулась, а про себя добавила, глядя на шлёпки: «Смотрю, вы уже...».

Я не была уверена, что кто-то из них занимал должность методиста, но то, что это мать и дочь, было ясно без лишних вопросов. Позже я поняла, тут все в какой-то степени родственники.

Не успела я отойти от двери, как на меня налетел ещё один новоиспечённый коллега и сразу принялся меня обнимать. Для меня это было настолько неожиданно, что я тут же приняла оборонительную позицию, пытаюсь освободиться от его объятий.

– Оставь её в покое, Шурик! – скомандовала мама в ромашковых шлёпках, – задушишь девушку. У неё и так еле-еле душа в теле.

Ничего общего с киношным Шуриком этот парень не имел. У него была смуглая кожа, вытянутое худое лицо, а на голове – копна то ли выцветших, то ли крашенных завитушек. Он мне напомнил чертёнка. Ромашковые шлёпки объяснили, что Шурик отвечает за свет, музыку и видео. И вообще, всё, что касается техники, – это к нему. Он театрально поклонился и жестом пригласил меня пройти дальше. Дорогу нам перегородила маленькая пухленькая девушка, примерно моего возраста. Она держала в одной руке кружку с чаем, а в другой – круассан. Что-то в её виде мне казалось нелепым.

Пока я думала, что именно, Шурик объявил:

– Настя – наш хореограф, – и снова театрально взмахнул рукой.

И тут до меня дошло, что девушка одета в лосины и гимнастический купальник, что никак не вяжется с её фигурой.

– Привет, – Настя протянула мне руку.

Я ответила на её рукопожатие, от чего она разрилась хохотом, который был похож на автоматную очередь.

Наконец-то мы дошли до кабинета, где расположились остальные сотрудники. Три женщины среднего возраста сидели вдоль окна и распевали народную песню, поминутно останавливаясь и споря между собой. Женщина-сопрано с истеричными нотками в голосе никак не принимала мнение двух альтов. Она знала себе цену, и я даже на секунду подумала, что она оперная дива. Да и внешний вид у неё был соответствующий: выдающаяся вперёд огромная грудь, приподнятый вверх подбородок и привычка смотреть сверху вниз. Две другие – альты, приземистые и самоуверенные, стояли на своём. Ругались они намного громче и эмоциональнее, чем пели.

Рядом с женщинами сидел баянист. Вид у него был изрядно потрёпанный. Он сидел с закрытыми глазами: не то спал, не то просто устал от перебранок.

Моему приходу трио не удивилось, бегом поздоровалось и, толкнув в бок баяниста, продолжило свою репетицию.

По периметру кабинета стояли ещё стулья. Видимо, аудитория была предназначена для собраний и репетиций. Вошедшие со мной дамы в шлёпках, хореограф и Шурик уселись на свои места, я последовала их примеру и заняла самое близкое место к выходу, инстинктивно думая о возможном побеге.

Тут же влетела директриса с огромной стопкой папок для документов. На ходу спросила:

– С новым режиссёром уже познакомились? Тогда сразу к делу. В субботу начинаются ежегодные сельскохозяйственные ярмарки, мэр просит концерт. Вот тебе и повод себя проявить.

Она лучезарно улыбалась и смотрела прямо на меня, как будто других людей здесь и не было.

– На сегодня уже четверг... – растерянно заметила я.

– Ну, мы же профессионалы! Номера у нас есть, спроси, кто что будет исполнять, и составь программу. Если что, Оксана Викторовна тебе поможет.

Она кивнула на мамашу в ромашковых шлёпках, та с готовностью подалась вперёд.

– Шурику скажи, какое тебе нужно музыкальное сопровождение и видеоряд. Я сейчас убегаю в администрацию, уточню, кто будет выступать с докладом. Но конь точно будет, – последние слова она говорила уже на ходу.

Я жадно впилась глазами в стопку бумаг в её руках, ожидая, что она даст мне какой-то план, репертуар – хоть что-нибудь. Но папки она унесла с собой, так и не выпустив их из рук. Аплодисментов я тоже не дождалась. И в моей голове промелькнула избитая фраза: «Забудь, чему тебя учили в институте». Я сидела, не шевелясь, и только глазами искала спасательный круг. Оксана Викторовна не вызвала у меня никакого доверия. Из оцепенения меня вывели неожиданные объятия Шурика. Он слегка встряхнул меня за плечи и сказал:

– Не дрейфь! Сейчас чаю попьём и быстренько всё накатаем.

Я вяло улыбнулась, и мы побрели пить чай.

Все потянулись из кабинета, и лишь баянист так и остался сидеть на месте, машинально наигрывая задорную мелодию.

За чаем мы с Шуриком обрисовали детали будущего концерта. Я мимоходом спросила, где он учился, на что получила неожиданный ответ «нигде».

– Как же тебя взяли на работу? – спросила я.

– Да я как-то всегда в технике шарил, вот меня позвали тут настроить кое-что. Ну, я раз настроил, другой, да так и остался, – Шурик говорил об этом так беззаботно, как будто рассказывал о походе в магазин за хлебом.

– А Оксана Викторовна... она кто? Методист?
– Да хрен её знает! Вообще, она поёт, сценарии иногда пишет.

– Ну, а образование-то?

– Да нет тут ни у кого образования, – рассмеялся он, – только Светлана Григорьевна музыкальную школу в детстве закончила, гордости полные штаны на всю жизнь.

– Это та, что сопрано?

– Чего?

– Ну, высоким голосом поёт?

– А! Ну да, она.

Эта информация вновь погрузила меня в долгие раздумья. «Какой же концерт выйдет с людьми, у которых нет никаких знаний о культурной деятельности?» – ужасалась я. Мне стало страшно. Я была уверена, что эта затея обречена на провал и что мне не место в этом посёлке, будь он даже трижды моногородом.

Извинившись, я вышла на улицу и позвонила в департамент культуры. Когда я обрисовала ситуацию и попросила подыскать мне более подходящее место, мне ответили, что других мест пока нет, и вообще мне нужно набираться опыта, но если у них что-нибудь появится, то тогда, конечно, я буду первая в очереди, а пока извините, надо потерпеть. Поняв, что у меня нет другого выхода, я решила для начала обойти всех и узнать, что они смогут исполнить на концерте. Оказалось, что у каждого в запасе большой репертуар на любой случай жизни. Тут были песни и о Родине, и о любви, и шуточные, и грустные, и на свадьбу, и на поминки. Я даже немного успокоилась.

Я аккуратно записала имена всех исполнителей, названия их концертных номеров, посчитала хронометраж, составила сценарий, отметила для звукооператора, какое музыкальное сопровождение необходимо. Я делала всё по высшему разряду. Так, как умела. Так, как нас учили в институте. К концу рабочего дня у меня уже была готова концертная программа. Фантазии для оригинального названия у меня уже не осталось, и я скрепя сердце подписала: «Праздник урожая». Мои коллеги были уже на низком старте и ждали назначенного часа для того, чтобы отправиться домой. Я ещё раз прочитала свой сценарий и вспомнила слова директора о коне. Конь не вызывал у меня никаких вопросов. В конце концов, какая ярмарка без живого коня? Недолго думая, ставила «выход коня» в удачное, на мой взгляд, место; сделала пометку: «музыкальное сопровождение «Любэ – конь», на экране – табун лошадей». Закрывает окончателенный вариант сценария и мысленно себя похвалила.

На следующий день в Доме культуры была суматоха. До концерта оставался один день. Все искали свои костюмы, правили кокошники, чистили сапоги, между делом репетируя свои номера. Утром директор сказала мне, что на время концерта я тут главная и имею право требовать от артистов всё, чего захочу. В разумных пределах, конечно. Я понимала, что нам необходима репетиция, но собрать

всегда в одном месте было невозможно. Коллеги постоянно отмахивались от меня, аргументируя это тем, что они знают номера как свои пять пальцев и что их даже ночью разбуди, они спуют и станцуют без запинки. У меня опускались руки. Я побрела к Шурику, чтобы проверить, как обстоят дела с музыкой и видеорядом. Сценарий я отдала ему ещё утром. Однако Шурик выглядел менее дружелюбным, чем при первой нашей встрече.

– Не надо меня торопить, я всё сделаю как надо, – отрезал он, как будто я уже достала его с этим вопросом.

Спорить и доказывать было бесполезно. Я поняла, что не имею никакого авторитета в этом ДК. По пути на своё рабочее место я встретила директрису. Она была чрезвычайно довольна. Мне показалось это странным, учитывая сложившуюся ситуацию.

– Как движется подготовка? – участливо спросила она.

– Ну... – замялась я, не представляя, как сказать, что я не справляюсь, – потихоньку, – выдохнула я в итоге.

– Отлично! Может, у тебя есть какие-то вопросы? Не стесняйся, мы всегда друг другу помогаем.

Вообще-то у меня действительно был вопрос. Один и очень важный. Я так и хотела заорать: «Какого хрена тут происходит?!» Но вслух сказала:

– У нас нет ведущего. Все заняты в концерте как исполнители.

– Проведи сама! Зрители любят новые лица, – она мне улыбнулась так искренне, что я не посмела возразить.

Я покорно кивнула. Хотя в голове стучало: «Нет! Нет! Нет! Я не могу быть ведущей. Что угодно, только не это!». Я-то знала, что, когда я нахожусь на сцене, мой язык становится толстым и неповоротливым.

Весь остаток дня я читала сценарий, старалась заучить каждую букву. Я читала вслух и про себя. Подыскивала подходящую интонацию. Нервы мои были на пределе. Меня уже не заботило то, что концертные номера не отрепетированы, теперь меня волновала только моя участь.

Наступил день «Икс». Начало концерта было назначено на два часа дня. С самого утра я ничего не ела. Я никогда не ем, когда волнуюсь. Остальные были безмятежны. Ближе к обеду директор принесла новые микрофоны-гарнитуры.

– Подарок от спонсора, – пояснила она, – сегодня выступаем с ними.

Новость была принята далеко не радостно. Светлана Григорьевна возмущалась больше всех:

– Я это не надену! Это неудобно и непрофессионально! Такие микрофоны созданы никак не для певцов!

На удивление, женщины-альты с ней охотно соглашались и энергично кивали на каждое её слово, однако микрофоны были выданы всем. За полчаса до начала ко мне подбежал Шурик, быстро приобнял и пожелал «ни пуха». Дрожь в ногах уси-

дивалась с каждой минутой. В зал уже проходили люди, и, похоже, нас ждал аншлаг. Женщина с велосипедом сегодня была без велосипеда, потому что сегодня она была билетёром, и на ней было темно-синее строгое платье.

И вот я стою за кулисами. Свет, фанфары, аплодисменты, сердце. Первым номером – выступление учеников детского центра со стихами о родном посёлке. Я поочерёдно выпускаю детей, попутно их пересчитывая. Семь, восемь, девять... девять! А в программе значится десять. – Где педагог? – шёпотом кричу я, – кто отвечает за детей?

Ответа нет.

Тем временем дети уже прочитали первые четверостишия.

– Кто-нибудь найдите педагога! У нас не хватает ребёнка! – не знаю, насколько громко я говорила, потому что в моих ушах так звенело, что я не слышала себя.

Но повисшую на сцене тишину я всё-таки услышала. Выглянула из-за кулисы и увидела, что дети в растерянности смотрели друг на друга. Я, сделав глубокий вдох, улыбнулась со всей доброжелательностью, на которую хватало сил, и стала давать детям знаки продолжать, хотя в душе уже не надеялась на хороший исход. Рыжеволосый мальчик поймал мой взгляд, понимающе кивнул и как ни в чём не бывало прочитал строки отсутствующего ребёнка. Поклон, аплодисменты и вздохи умиления послышались из зрительного зала. Кто-то положил мне руку на плечо и сказал в ухо: «Какие молодцы!». Похоже, заминка была небольшая и её мало кто заметил. Для меня же она показала вечность. И как расценивать эту ситуацию: неудачной, потому что пропал ребёнок, или удачной, потому что ловко выкрутились? Решила пока об этом не думать, время покажет.

Объявила следующий номер. Наше народное трио в сопровождении баяниста чинно вышло на сцену. Пока всё шло гладко, и я со спокойной душой покинула кулисы. Около входа на сцену толпились артисты, среди них и группа детей из детского центра. Я снова их пересчитала и поняла, что теперь их десять.

– Где же ты был? – спросила я у отсутствующего ребёнка чуть грубее, чем хотелось.

– Прятался под скамейкой, – довольно ответил он.

– Но зачем? – спросила, сясь не заорать.

Ребёнок лишь пожал плечами. Я вопросительно посмотрела на педагога, которая тоже отсутствовала в этот ответственный момент. Она кротко мне улыбнулась.

– Дети, – произнесла она беззаботным тоном.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и принять ситуацию как должное. Так я и сделала, усевшись на ту самую скамейку, под которой прятался отсутствующий ребёнок. Следующий номер будет встык с предыдущим, и у меня есть время отдохнуть и настроиться перед выходом на сцену. Я-

дом со мной сидела Оксана Викторовна, а её дочь помогала делать ей причёску. На обеих блестящие платья с пайетками. Дочь, несмотря на свой рост, надела туфли на высоченной платформе, зато мать всё ещё в ромашковых шлёпках.

– Оксана, переобуйся! – заметила директриса.

– Успею, мне ещё не скоро, – отрезали ромашковые шлёпки.

– Вот блин! – раздался чей-то голос, и моё сердце, ещё не выяснив масштабы блина, тут же застучало как бешеное.

– Что случилось? – подскочила я с места.

– На колготках стрелка, – с досадой протянула Настя, – мне выходить следующим номером. У тебя нет случайно?

– Нет, – ответила я уже спокойно, – а нельзя выйти без них?

– Не, я ноги не брила. А это чьи? – Хореограф взяла со стула чьи-то растянутые капроновые колготки.

– Не знаю, – ответила я, пытаюсь побороть отвращение.

– Пофиг, – бросает Настя и натягивает колготки.

Ещё мгновение, и звучит вступление к её номеру. Она с сияющей улыбкой выходит на сцену. Я ещё не видела, как танцует эта неуклюжая на вид девушка, поэтому пошла за кулисы, чтобы посмотреть. Начало танца очень плавное и безмятежное. Настя двигалась так грациозно, что её полнота совсем не бросалась в глаза. Музыка становилась всё ритмичнее, а Настины движения более резкими. И вот в разгар кульминации она делает несколько быстрых вращений, и я вижу, как чужие колготки предательски сползают с её ляжек. Мне стало стыдно, в груди засвербело, краска залила лицо. Ластовица колготок уже спустилась до самых колен. Я украдкой посмотрела в зрительный зал, пытаюсь разузнать обстановку. Зрители улыбались не то от наслаждения, не то от комичности ситуации. Между тем Настя, не теряя самообладания, сделала разножку – что-то вроде шпагата в воздухе, одновременно с тем незаметно подтянув колготки. И, грациозно приземлившись, завершила выступление. Я в очередной за сегодня раз выдохнула с облегчением.

Вдохновившись Настиним героизмом, я вышла на сцену без тени страха и после пары слов о прекрасном урожае и благодарностей всем рабочим объявила следующий номер. Светлана Григорьевна стояла во всеоружии за кулисами, и я заметила в её руках радиомикрофон.

– Зачем вам микрофон, у вас ведь гарнитура? – спросила я, проходя мимо.

– Мне так комфортней, – ответила она высокомерно и вышла на сцену.

Я, не успев сказать, чтобы она в таком случае сняла гарнитуру, тупо наблюдала, как оперная дива поёт в два микрофона одновременно. Пытаясь спасти ситуацию, начала подавать ей немые знаки. В конце концов, один раз это уже сработало сегодня. Но не сейчас. Кажется, Светлана Григорьевна

успела привикнуть к гитаритуре и, забыв, что у неё в руках микрофон, стала им размахивать в такт музыке. Я больше не в силах терпеть этот позор, вышла из-за кулис. По пути, наткнувшись на Оксану Викторовну, самым заботливым тоном спросила:

– Не забудете переобуться?

– Да я что, дура?! – ответила та тоном человека, которому в сотый раз задают один и тот же вопрос.

– Кто там дальше по программе? – спросила меня дочь Оксаны Викторовны.

– Фаина Громова – «Околица», – ответила я.

– А, Фиона, – засмеялась она в ответ, подталкивая маму в бок.

– Почему Фиона? – растерялась я и стала проверять свои записи.

– Да не, это мы так её зовём между собой. Ну, она ж толстая, как Фиона из «Шрека», – разъяснила мне дочь ромашковых шлёпок, продолжая смеяться.

Я понимающе кивнула, хотя на самом деле ничего не поняла. Фаина – одна из женщин-альтов, очень приятная на вид и если полновата, то самую малость. И уж тем более не имеет ничего общего с орками. Хотя тут, наверное, кроется более глубокий смысл. Продолжая размышлять на эту тему, я вышла на сцену, чтобы объявить следующий номер. Отметила, что наш родной край самый прекрасный на свете, а у самой в голове, словно кинолента, замелькали фрагменты из мультлика.

– «Околица», исполняет Фиона Громова, – объявила я и тут же осознала свою ошибку.

Зрители захлопали и возликовали, как никогда прежде за всё время концерта. Уверена, что, если бы не громкая музыка, я бы услышала их насмешки. Я поспешно ушла со сцены, уступая место Фионе, то есть Фаине., и уже сама не понимала, какой вариант всё же правильный. В горле стоял ком, мне было невероятно стыдно. Вышла к артистам, едва сдерживая слёзы. При виде меня они взорвались дружным хохотом.

– Фаине на глаза лучше сегодня не попадайся, – предостерегла меня вторая женщина-альт.

Все активно закивали в знак согласия. Однако никто меня не обвинил, и мне стало чуточку легче. Но неизбежная встреча с Фаиной-Фионой в конце её номера всё же вселяла в меня страх.

До конца концерта оставалось несколько номеров. «Интересно, где они держат коня?» – думала я, но спросить не успела, потому что нужно было объявить Оксану Викторовну. Я объявила её номер из-за кулис, выходить на сцену мне не было смысла. Тут же встретилась с Фаиной, она потрепала меня по плечу и дружески подмигнула. Я подумала с надеждой: «Неужели не заметила?» Оксана Викторовна уже начала петь. Я решила подождать конца номера вместе со всеми, но тут мой взгляд упал на ромашковые шлёпки, которые она все же забыла снять. Рука невольно закрыла лицо. Сил на панику и терзания уже не осталось. Я спокойно выждала момент, когда Оксана Викторовна по-

вернёться в мою сторону, и указала ей на шлёпки. Она же, не подавая мне никаких ответных знаков, просто слегка присела так, что её подол прикрыл злополучные шлёпки. Я, смеясь, пошла ко всем, чтобы рассказать эту историю. Но, не успев и рта открыть, увидела, что женщина-альт исправляет мою программу.

– Что вы делаете? Что-то не так? – спросила я, уже и сама увидев зачёркнутую строчку «Выход коня», – коня не будет?

– Будет. Только зачем ты так написала? Вдруг увидит, – пояснила она.

– Кто?

– Конь.

– Что? Вы смеётесь? – окончательно запуталась я.

– Ты же тут написала «Выступление мэра», зачем второй раз писать «Выход коня»? – пыталась объяснить Фаина.

– Не понимаю, причём тут мэр, – мой мозг усиленно заработал, пытаюсь сложить два и два.

– Дорогая, конь – это мэр. Прозвище у него такое. Ты что... не знала, – с неожиданной заботой сказала Светлана Григорьевна.

– Нет, – безжизненно ответила я, потому что два и два сложились, и я осознала величину катастрофы.

– Да что ты так переживаешь? Ну, написала и написала, – попыталась успокоить меня Фаина.

Но было уже поздно, к нам зашёл мэр, радушно всех поприветствовал и прошёл за кулисы. Я объявила его дрожащим голосом, и на экране появился табун лошадей, а из колонок полилось «Выйду ночью в поле с конём». В зале раздались шумные аплодисменты, побив рекорд, установленный перед выходом Фаины-Фионы. Мои коллеги, не отставая от зрителей, тоже зааплодировали, сопровождая аплодисменты истерическим хохотом. Я была готова сквозь землю провалиться. «Столько позора за какой-то час не может вынести ни один человек», – подумала я.

Пятиминутное выступление мэра казалось нескончаемым. Со всех сторон то и дело раздавалось ржание, а иногда даже похрюкивание. Воображение рисовало картину, что смеются это именно надо мной, с позором изгоняя меня из своего моногорода.

Настал час расплаты. Концерт закончился, и к нам вышел мэр. Его лицо было непоколебимо серьёзным. Я закрыла глаза, не в силах больше ждать.

– Достойный концерт, – услышала я голос мэра. – Зритель доволен.

Открыв глаза, увидела протянутую мне руку мэра, робко ответила на его рукопожатие.

– Поздравляю, – сказал он уже не так официально.

«Неужели он не обратил внимание? Или вообще не знает, что его называют конём?» – подумала я, вглядываясь в его непроницаемые глаза.

– Очень оригинальный подход, – продолжил он и неожиданно подмигнул мне.

«Всё он заметил», – подумала я, восхищаясь его дипломатичностью. Тогда я поняла, что профессионализм кроется не в образовании, а в умении видеть сложные ситуации и красиво из них выходить.

– Как тебе Дом культуры? Нравится у нас? – спросил мэр уже совсем как-то по-дружески.

– Здесь работают настоящие профессионалы, – ответила я с неподдельной искренностью и бросила взгляд на своих коллег.

Они все улыбались мне, словно родные тётушки.

Когда мэр вышел, мы все заржали. Кажется, я смеялась громче всех. До конца рабочего дня, пока мы приводили в порядок себя, сцену, гримёрку, мы то и дело пересказывали истории про шлёпки, колготки, микрофон и, конечно, про коня. И только история про Фаину-Фиону не упоминалась вслух, хотя и была не менее смешна.

– Хочешь, провожу? – сказал мне Шурик, догнав перед выходом. Я не успела ответить, потому что зазвонил телефон.

– Извини, – сказала я Шурику и взяла трубку.

Это звонил усатый мужчина из департамента культуры.

– Мы нашли для Вас место, должность не такая высокая, как здесь, всего лишь руководитель любительского объединения, но зато... – начал он учтиво.

– Спасибо, но я остаюсь в моногороде, – перебила его я.

– Что ж, я очень рад, – облегчённо сказал мужчина, – творческих Вам успехов.

Я положила трубку и посмотрела на Шурика. На его лице застыла нетерпеливая улыбка. Я раскинула руки, ожидая его объятий.